

Чэнь Жун не обращал внимания на все более сочувствующие глаза служанок. Все же очарование омеги – великая сила. Да еще подкрепленное воздействием цитры. Кто бы мог против такого долго бороться? Пока простые люди не могли защищаться от воздействия магии. Да и в будущем мало кто мог, слишком уж мощные нужны амулеты – а это недешевое удовольствие. Обычно такие амулеты были сокровищами кланов. Он сосредоточился только на создании небесных фонарей и выпускании их один за другим в небо. Правда, где-то в глубине души он честно не понимал, почему так открыто вел себя с незнакомцем, почему ему доверился, да и кто тот был на самом деле? Ведь мужчина даже не представился! Но именно он подсказал идею с фонарями.

Весь вечер прошёл в этих мыслях и изготовлении и запускании фонарей. Даже евнухи поглядывали на него сочувственно и не мешали подобному занятию. Как ни крути, но и они не оставались равнодушны к благородному чистому юноше, который даже в столь отчаянном положении буквально излучал обаяние и вызывал неосознанное желание помочь и защитить... причем, чем дальше, тем это желание становилось крепче...

К полуночи, когда Чэнь Жун заснул от усталости, младшая служанка подтолкнула свою спутницу и прошептала:

— Этот Сяо Жун просто еще один несчастный пленник, — она вздохнула и сжала руки на груди в кулачки. В ее голосе звучала юношеская меланхолия.

Старшая только усмехнулась в ответ, но ничего не стала говорить.

Евнух осторожно поднял юношу, и отнес его на ложе, после чего с поклоном покинул помещение.

Едва свечи погасли, из угла выдвинулась тень. Давешний «купальщик» прилег рядом с уснувшим юношей, с нежностью убрал ему пряди волос с лица.

- Очаровашка...такой милый и невинный... и откуда же ты такой взялся? Почему это я не в курсе?

Следующий день уже наступал, светлея зарей на востоке.

Ночной визитер, разбуженный старшей служанкой, бесшумно покинул помещение.

Она закрыла за ним ставни и улыбнулась. Свои выводы она уже сделала. И теперь просто старалась быть полезной. Размять усталые плечи? Помассировать ступни? Потереть спинку? Правильно одеть многослойный наряд, сделать прическу... Хорошая прислуга нужна любому!

И раз ей дали такой шанс... да она зубами в него вцепится!

Ранним утром из-за бамбукового леса доносилась музыка свирели. Чэнь Жун медленно открыл глаза и посмотрел мимо шелковых ширм.

Затянутое тучами утреннее небо было очень темным, и казалось, что дождь может начаться с минуты на минуту. Все вчерашние события казались странными и словно нереальными.

Он приподнял руки, чтобы сесть, обнял одеяло и в трансе посмотрел на небо.

Тогда же младшая служанка окликнула его:

— Господин, не хотите ли умыться? — Ее голос стал заметно мягче по сравнению со вчерашним; глаза, смотрящие на Чэнь Жуна, даже были немного сочувствующими.

Чэнь Жун покачал отрицательно головой, не взглянув на нее.

Наблюдая за невыразительным поведением Чэнь Жуна, молодая горничная внезапно заговорила:

— Господин, несмотря на то, что Его Высочество часто отказывается от старого ради нового, и склонен отдавать старое своим подчиненным, Вы все равно будете завернуты в шелка.

Старшая взглянула в ее сторону и только покачала головой. Даром что та симпатичная и добрая. Ду-ура-а ой, ду-ура-а-а... Однако глупые в поместье Принца не выживали. Не осуждая, но констатируя факт, что та дура. В этот момент молодая вдруг вспомнила, что А Жун не беден; напротив, он происходит из большого клана и всегда имел подобные условия.

А Жун поднял голову.

И без утреннего ухода его лицо оставалось на удивление свежим и светлым. Он посмотрел на служанку и прошептал благодарность, опустив длинные ресницы, бросившие тень на гладкие щеки.

— Не стоит благодарности, — пробормотала девушка, склонив голову, смущенная эдакой красотой, и поспешила на улицу. Чтобы там обмахнуть загоревшиеся щеки.

Постепенно к изменчивой музыке свирели присоединилась флейта. Когда песня далекой и медлительной флейты переплеталась со свирелью, они порождали сентиментальность, свойственную весеннему приливу.

Чэнь Жун опустил глаза, все время тихо цитируя:

— Так рано утром уже звучит музыка свирели среди шелеста ветра в сбросивших листья ветвях. В поместье принца, несомненно, царят мир и покой.

Он надел деревянные башмаки и подошел к окну, за которым стояли две красивые женщины.

Они поспешно отвернулись и пошли прочь, хотя до этого определенно банально подглядывали. К тому времени, когда они достигли спящего персикового сада, Чэнь Жун услышал, как одна из них произнесла:

— Его Высочество не пришел ночью составить компанию новой игрушке? Это довольно странно.

— Я спрашивала, — ответила другая, щелкнув веером. — Они сказали, что он гость. Ха, приезжий юный красавчик. Его Высочество использовал этот трюк всего-то пять раз.

Сделав глубокий вдох, Чэнь Жун приказал:

— Принесите воды.

— Да, — хором ответили служанки. Они принесли таз с водой, полотенце и немного голубой соли для умывания.

Пока они молча помогали ему умыться и причесаться, Чэнь Жун спросил:

— Есть ли в поместье место, куда мне нельзя заходить?

Старшая горничная, помогавшая уложить ему волосы в высокий, украшенный вычурной серебряной заколкой хвост, обвитый у основания изящной косицей, ответила:

— В дополнение к основному двору, Вы можете свободно ходить куда угодно в пределах внутренних жилищ в восточном и западном крыле.

Чэнь Жун хмыкнул в ответ, разглядывая свое отражение в бронзовом зеркале. Он заметил, что техника укладки у этой служанки довольно оригинальная. Высокий хвост и оставленные свободными пряди по сторонам лица, прихваченные мелкими косичками, украшенными нефритовыми бусинами. Без привычной декоративной булавки наверху, он обладал самым романтическим очарованием.

Чэнь Жун закатал рукав. Он ожидал именно этого и взял свою шпильку.

Когда они закончили свою работу, Чэнь Жун поднялся, чтобы повернуться и уйти.

Младшая горничная взглянула на его немного свободное ханьфу из ломкой тафты подчеркивающее юность и андрогинность мальчика, склонила голову набок и пробормотала:

— У него прекрасная внешность. Неудивительно, что принц желает его.

Когда Чэнь Жун вышел во двор, она увидела, что модно одетые девушки наводнили маленькую дорожку, беседки и все доступные для зрительных позиций места.

Однако услышав его шаги - замерли. В гареме маловато развлечений. А слух о хорошеньком и романтическом новеньком уже взбудоражил умы красавиц.

Пока Чэнь Жун стоял там, добрая дюжина пар глаз смотрела в его сторону. С самым разным выражением: тут была и зависть, и ревность, и похоть и просто любопытство. Глядя в эти глаза, Чэнь Жун внезапно подумал: "Чем дольше я живу в поместье Принца, чем большее число обитателей меня тут увидят, тем больше это вредит моей репутации. Даже если я смогу справиться с этими женщинами, и даже если я знаю, что происходит на самом деле, худшим будут пустые слухи. А если они воспользуются в своих целях тем, что я невольно скажу, то что я буду делать? Девушка может доказать свое имя девственностью, а вот мужчине это куда сложнее. Меня могут счесть доступным и продажным отрезанным рукавом. Забудь о поисках пути побега, мне лучше вернуться. Придется довериться ночному гостю."

— Закройте дверь во двор, — приказал он, вдруг вернувшись.

Горничные озадаченно посмотрели на него.

Чэнь Жун повелительно взглянул на них и повторил свой приказ:

— Закройте дверь во двор. Независимо от того, кто придет, вы не можете открывать его без моего согласия. Я ясно выразился?

Горничные переглянулись и подчинились.

Как только двор закрылся, Чэнь Жун приказал принести цитру и начал играть.

Пьеса, которую он играл, называлась "Жалобная Песнь Ученого", песня, которую А Жунь слышала от одного из ученых во время ее брака с Жань Мином в прошлой жизни.

"Жалобная Песнь Ученого" была возвышенной и далекой, довольно гордой и надменной. Она пришлась ему по душе своей мелодичностью и переливами, и потому он легко ее вспомнил и принял, вплетая в нее мотивы ему самому знакомых мелодий своего мира. Импровизировать

так можно было бесконечно.

Появившийся звук светлой цитры медленно смешался со свирелью и флейтой, постепенно вплетаясь в мрачные облака.

Каждая из присутствующих красавиц, даже если и не играла на инструменте, то, по крайней мере, привыкла слушать. Как только прозвучала “Жалобная Песнь Ученого” Чэнь Жуна, юноши, запертого в гареме и вероятно, обреченного стать игрушкой садиста-принца, девушки, которые с любопытством указывали на его закрытые двери, в конце концов успокоились.

Слушая, они вскоре обнаружили, что эта песня была в чем-то новой и довольно красивой.

Постепенно, по мере того, как цитра доминировала, свирель и флейта остановились.

Высокий и одинокий звук цитры остался единственным звуком, который пробивался сквозь темные тучи в западном крыле.

Красиво одетая девушка закрыла глаза и прислушалась.

— На самом деле, звучит очень благородно,— пробормотала она.

Другая девушка с нежными, как вода, чертами лица опустила взгляд.

— Неужели принц заставил прийти сюда кого-то столь честного и благородного? Похоже, его жизнь не будет долгой.

Стоявшая позади них соблазнительная, ярко накрашенная женщина лет тридцати презрительно усмехнулась:

— Ну и что, что он благороден? Ну и что, что он держится прямо? Это оттого, что Его Высочество еще не развлекался с ним и не согнул его. Подождите, пока он не ляжет в его постель; тогда он не будет играть эти мелодии.

Чего они не знали, так это того, что Чэнь Жун играл эту песню, чтобы все знали, что он был гостем поместья, что у него не было интимных отношений с Принцем Наньняна. И они сами только что подтвердили его цель.

Среди журчания и шелеста цитры постепенно опускалась ночь.

К ужину налетевший ветер хлестал листья и ветви, сотрясая черепицу снаружи.

Ужин был легким и изысканным. Предложенные угощения были сделаны и украшены мастером. Они радовали глаз и услаждали вкус. Чэнь Жун положил палочки и посмотрел на небо.

— Сегодня будет дождь? — тихо спросил он.

Услышав разочарование в его вопросе, молодая горничная не смогла удержаться от смешка.

— Хотите снова выпускать фонари, господин?

Чэнь Жун кивнул и что-то пробормотал в ответ.

Такая редкая и изящная манера поведения, что горничная, вздохнув, посоветовала ему:

— Господин, вы должны забыть его.

Чэнь Жун не ответил.

В этот момент ветер за окном стих. Чэнь Жун положил свою посуду, вышел во двор, чтобы увидеть постепенно рассеивающуюся тучу в небе и весело сказал:

— Звезды снова видны.

Он обернулся, его глаза ярко блестели.

— Подготовьте материалы. Я хочу, чтобы сегодня вечером было не меньше десяти фонарей.

В главном доме сытый и довольный, словно паразит, насосавшийся крови, в окно смотрел Хозяин этого места. Мерцающие звезды фонарей вызвали у него ностальгическое умиление и приятные мысли. Если это поможет его планам, то почему бы и нет?

Еще вчера повозка унесла советника в ночной тишине в сторону храмового города.

<http://erolate.com/book/1285/36112>